

Мария Грипе

ДЕТИ О ГИ

Сесилия Агнес — странная история

КНИЖКИ НА ВЫРОСТ
МОСКВА, 2011

Мария Грипе Сесилия Агнес – странная история

Spelcheck Оксана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156998

*Грипе М. Сесилия Агнес – странная история: Повесть / Пер. со швед.
Н. Н. Федоровой/ Книга издана при содействии Шведского института:*

ОГИ; М.; 2005

ISBN 5-94282-271-9

Оригинал: Maria Gripe, “Agnes Cecilia – en so llsam historia”

Перевод:

Нина Федорова

Аннотация

Героиня повести осталась сиротой после гибели родителей и живет у родственников. После переезда в новый дом она начинает чувствовать чье-то невидимое присутствие, оказывающееся связанным с ее личной историей. Странная кукла, таинственные телефонные звонки, смутные воспоминания о семейных тайнах создают напряжение, свойственное «готической» литературе. На самом деле это книга о переживаниях подростка, остро ощущающего свое одиночество.

Для среднего и старшего школьного возраста.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	10
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	16
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	27
ГЛАВА ПЯТАЯ	33
ГЛАВА ШЕСТАЯ	40
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	52
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	59
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	73
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Мария Грипе Сесилия Агнес – странная история

*Таким образом, каждый человек должен
осознавать себя как существо необходимое...*

Артур Шопенгауэр

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Большей частью это случалось, только когда Нора сидела дома одна, когда в квартире не было никого, кроме нее.

Как именно все началось, она и сама точно не знала, но, пожалуй, тут существовала какая-то связь с ремонтом, когда Андерс переклеивал обои и по всей квартире обнаружались давние, заколоченные стенные шкафы. Значит, все началось не сразу после переезда, а через некоторое время, и на первых порах она вообще об этом не задумывалась. Ведь каждому дому свойственны свои звуки.

Вдобавок дом, где они поселились, был довольно-таки старей, а она знала, что в старых домах порой скрипят половицы и возникают иные таинственные звуки. Хотя, если вникнуть как следует, для большей части загадок находится вполне логичное объяснение.

Вот почему у Норы лишь задним числом забрезжила догадка, что здесь, возможно, кое-что другое, необъяснимое. Называть это сверхъестественным она не хотела, поскольку знала о таких вещах слишком мало, и оттого предпочла слово «непостижимое».

Говорить об этом она не могла, даже с Дагом, как не могла и добраться до сути. С самого начала как бы само собой разумелось, что она никому не проболтается.

Зачастую все начиналось нежданно-негаданно, и предвидеть, когда это случится, было невозможно, хотя иногда, незадолго перед тем, ее словно бы охватывало предчувствие. Оно ощущалось в самом воздухе – дыхание чего-то нереального, не поддающегося описанию.

Хорошо бы Даг все же был дома!

Они бы поговорили, и Нора избавилась бы от теперешнего беспокойства. Приди он сейчас домой – и это не случится или, по крайней мере, будет отсрочено...

В эту квартиру они переехали прошлой весной, а ей почему-то казалось, будто она жила здесь всегда. Уже в самый первый раз прямо с порога почувствовала себя по-настоящему дома.

Нет, хватит сидеть тут и ломать голову! Нора быстро прошла на кухню, взяла из вазы на столе большое зеленое яблоко. И в ту же минуту зазвонил телефон.

Вот и хорошо! Если немножко поболтать, ощущение нереальности исчезнет. Только бы звонок был для нее!

Но, как выяснилось, звонившая девочка попросту ошиблась номером. Ей был нужен москательный магазин.

– Алло, куда это я попала?

Нора назвала телефон.

– По этому номеру не Окессоны?

– Нет, квартира Шёборгов.

– Выходит, это не москательный магазин?

– К сожалению, нет...

– А с кем я говорю?

– С Норой Хед. Я здесь живу.

На миг воцарилось молчание.

– Извините, вообще-то мне нужен москательный магазин.

– Ничего-ничего.

Нора медленно повесила трубку. Жаль, разговор кончился так быстро. Она не спеша вернулась к себе.

Комната ей досталась просто замечательная! Она думала об этом каждый раз, как переступала порог. Светлая, солнечная. А в окошко видны целых семь палисадников. И девять крыш.

Надо же, Даг все еще не появился.

Она прислонилась лбом к прохладному стеклу, глянула вниз, во двор. Его велосипеда на стоянке нет. Наверно, Даг в балетной студии и до ужина вряд ли вернется. Ехать оттуда почти два часа. Нора немножко проголодалась, поднесла яблоко ко рту, собираясь откусить, но вдруг замерла, затаила дыхание.

Кажется, в круглой комнате шаги? Она напрягла слух...

И правда шаги... Опять... все те же, неизвестно чьи...

Она стоит неподвижно, спиной к этим звукам, не оборачивается, целиком обратившись в слух. Шаги уже в соседней комнате, медленно приближаются к ее двери. И там останавливаются.

Каждый раз одно и то же. Шаги возникают как бы прямо из тишины и медленно направляются к ней. Бояться нечего. Ведь тот, кто приходит, никогда не делал ей ничего плохого. Плюнуть бы на все это, в упор не замечать, и она пробовала, да только не получается. Шаги назойливо лезут в уши, всякий раз вынуждают ее напряженно прислушиваться.

Они всегда доносятся из круглой комнаты, возникают там будто сами собой, из ничего, затем через проходную комнату идут к ее двери. И там останавливаются. У порога. После чего разом наступает тишина.

Но это не означает, что пришелец исчез.

Наоборот. Спиной, шеей, затылком Нора чувствует, что позади кто-то есть. Стоит в дверном проеме. У самого порога. Неподвижный, как и она. Чего-то ждущий. Настороженный.

Затаив дыхание, Нора прислушивается – всем своим существом, всей душой. И чувствует, что невидимка тоже прислушивается, не менее напряженно.

Оба они ждут...

Чего? Нора не знает. Но в этом наверняка есть какой-то

смысл. В конце концов такие вещи случаются не каждый...

Пока это происходит, ей не особенно страшно. При желании она спокойно могла бы глянуть через плечо и убедиться, что на пороге никого нет. Что дверной проем пуст. Но, чувствуя присутствие другого, она ничего не предпринимает. Словно выполняет молчаливый уговор: сперва незримый гость должен исчезнуть.

Временами Нора спрашивает себя, а вправду ли гость приходит к ней. Может, тут какая-то ошибка? Однако мгновение спустя она уже не сомневается, что незваный и неведомый пришелец чего-то хочет именно от нее. И ощущение это более чем неприятное. Так бывает, когда вдруг случайно сталкиваешься с человеком, о котором напрочь забыл, хотя вообще-то следовало его дождаться. Странное, тягостное ощущение.

Она и незримый принадлежат разным мирам, это ясно, разным временам и пространствам. Разным измерениям, иначе говоря. Обычно эти миры наглухо отделены один от другого. Лишь изредка можно преступить их границы. И как ни удивительно, она, кажется, порой на это способна.

Ну вот! Гость наконец-то исчез!

Мало-помалу Нора пришла в себя и могла, как всегда, побродить по комнате, чем-нибудь заняться. Как она узнавала, что осталась одна, было опять-таки необъяснимо. Чувствовала, и всё. Напряжение внутри и в воздухе разом отпускало. Что-то как бы улетучивалось, сходило на нет. Хотя никаких

шагов она не слышала.

Но зачем он приходит, ее незримый гость?

Наверное, когда-нибудь она это узнает?

Нора глубоко вздохнула, потянулась. Нельзя отрицать: когда все кончалось, ее охватывало облегчение. Она опять вздохнула, огляделась по сторонам, прошлась по комнате...

Да, все как обычно. Разве что в круглой комнате стало холодновато. Но закатное солнце наполняло белые тюльпаны на столе теплым светом. Легкий шорох – два белых лепестка упали на белую скатерть. До чего же красиво!

Негромко тикали стенные часы, комнатные растения на подоконнике легонько шевелили под солнцем хрупкими листочками.

Конечно, большое облегчение – снова остаться одной, и все же в глубине души была печаль. И тоска. О чем? По кому?

Всякий раз, когда она слышала эти шаги, ей потом казалось, будто на краткий миг кто-то позвал ее назад, к чему-то далекому, давно минувшему.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Даг бы ее выслушал, это ясно. Даг умел понять все, что другие считали непостижимым, нереальным, немислимым. Узнай он о Норином госте, он бы пришел в восторг. Подобные «феномены», как он их называл, ужасно его интересовали. Мистическое, таинственное вызывало у него куда больше любопытства, чем у нее. Но она должна молчать.

Даг ей не брат, хотя самый близкий человек на свете. Она была совсем маленькая, когда его родители, Андерс и Карин, взяли ее под опеку.

Вообще-то Карин доводилась теткой Нориному отцу, хоть и была ему почти ровесницей, всего на год-другой постарше. Поздний ребенок, она родилась, когда ее братья и сестры уже стали взрослыми...

Из всей родни одна только Карин и могла позаботиться о Норе. Остальные были уже в почтенном возрасте либо слишком заняты своими делами. Поэтому самой подходящей кандидатурой сочли Карин. Родня даже приняла особое решение на сей счет.

Андерс ничуть не возражал. Ему очень хотелось иметь дочку, а им с Карин, по всей видимости, других детей, кроме Дага, уже не завести.

Карин работала библиотекарем, Андерс учительствовал в гимназии. Оба любили свою работу, и застать их дома было

не так-то просто.

«Даг становится все больше похож на Андерса», – говорили друзья. Или: «Прямо вылитая Карин!»

Но это неправда. Даг не походил ни на мать, ни на отца. Он был самим собой, да еще как!

И Нора, и Даг считали эти поиски сходства попросту смехотворными. И все же такие разговоры внушали Норе легкую зависть. Ведь они подчеркивали, что Даг неразрывно связан с Андерсом и Карин, что они семья.

Зато Нору сравнить не с кем. Она ни с кем не связана. Не принадлежит к семье. Пусть даже Андерс и Карин никогда не давали ей этого почувствовать. Во всяком случае, намеренно. Всегда приходили на помощь, старались понять. Они – люди замечательные.

А вот она – дуреха. Подозрительная и обидчивая. Хорошо хоть, сама это понимала. Правда, поделаться ничего толком не могла. Сплошь да рядом ее больно задевали мелочи, которых никто другой не замечал. Например, та бесспорная естественность, с какой именно Дага, а не ее поселили в комнате рядом со спальней Андерса и Карин.

Норе отвели отдельную комнату в другом конце квартиры – дескать, чтобы «никто ей не мешал». Меняться она бы не стала, ни за что на свете, она любила свою комнату, и все же мелкое, гадкое подозрение нет-нет да и выползало. Понятно, им же охота побыть там в своем кругу, они ведь семья. Ногами, у себя в комнате, она словно бы слышала, как они ти-

хонько снуют по кухне: наконец-то есть возможность уютно посидеть втроем, без нее.

Как-то раз она пробралась туда и, похоже, застала их врасплох.

«Ой, ты не спишь? Мы не хотели мешать...»

Заботливые слова, добрые, но вдруг на самом-то деле все наоборот? Вдруг это они не хотели, чтобы она им мешала? Только виду никогда не показывали и не покажут.

Она-то понимает, как обстоит дело, думала Нора, но опять-таки не показывает виду.

Они же не виноваты, что она навязалась им на шею. И изо всех сил стараются, чтобы она чувствовала себя членом семьи. Невдомек им, что этим они лишь подчеркивают, что она все-таки чужая. И вполне естественно. Она просто-напросто не их ребенок. Тут ничего не изменишь. Но они не желают этого признавать.

И не иначе как верят собственным словам, когда твердят, что им в голову не приходит считать Нору чужим ребенком.

Сколько раз она слышала, как они говорили это своим друзьям. Говорили всегда одинаково искренне, правдиво, но у нее тотчас же мелькала гадкая мыслишка: будь это правда, стали бы они уверять других?

Под хорошим присмотром. В добрых руках. И все-таки одинока, покинута. Как одно вяжется с другим? Конечно, она неблагодарна и несправедлива – и к живым, и к мертвым. В иные дни это очень осложняло жизнь.

Тогда Нора как неприкаянная слонялась по квартире, из комнаты в комнату. Вот и нынче утром, проснувшись, она сразу заподозрила, что день, скорее всего, будет нелегкий. Ночью ей приснился сон...

Нет, сейчас в это углубляться не стоит. Ведь в конце концов на свете не она одна чувствует себя одинокой и покинутой. Хотя утешение слабое.

Нора прошла на кухню, заглянула в жестянки с хлебом и печеньем – ничего привлекательного. Открыла балконную дверь и опять закрыла. На улице холодище. Но пахнет весной. Какая-то пичуга щебечет в снегу. Другие наверняка бы порадовались, а она чуть не заплакала. Глаза на мокром месте, по крайней мере сейчас. Должно быть, виноват сон, который она видела ночью и никак не могла вспомнить...

Хотя утром, едва проснувшись, подумала: конечно же все дело именно в этом! Мама была слишком красивая, а папа – слишком умный. Она им в подметки не годится. Потому они и сгинули. Авария произошла не случайно. Если б они любили ее, то взяли бы с собой в машину. И теперь ее бы тоже не было, и никому бы не понадобилось ее опекать. Да, все дело именно в этом.

Вот, значит, какова правда.

В иные дни она просто не могла отделаться от таких мыслей, хотя прекрасно знала, что они ужасно несправедливы. И, как правило, накануне ночью ей снился некий сон. После она, бывало, весь день напролет грустила, каждую мину-

ту, каждую секунду. Отчаянно грустила и чувствовала себя одинокой, покинутой. Но своего сна никогда вспомнить не могла.

– Нора! Привет!

Даг. Идет сюда, к ней. Голос веселый, бодрый. В каждой руке по большой булке. Одну он протянул ей.

– Держи! Это тебе!

– Спасибо.

Нора взяла булку, а Даг испытующе посмотрел на нее.

– Слушай, ты что, опять размышлениям предавалась?

– Да, а что?

– Вид у тебя грустный. Ешь булку, и все пройдет. Она послушно откусила кусок и правда повеселела, а Даг меж тем, продолжая болтать, рассказал, что опять видел «необыкновенную девочку». Ну, кассиршу из универмага «Темно». И с каждым разом она кажется ему все более необыкновенной.

– Потрясающе! В каком же смысле необыкновенной?

Даг прислонился к изразцовой печке и устремил взгляд куда-то в пространство.

– Есть люди, которые просто не поддаются описанию.

Он снял с булки верхнюю половинку и задумчиво слизывал сбитые сливки. Нора с нежностью смотрела на него. Даг со своей неопишуемой девочкой, которая то ли существует, то ли нет.

– А я поддаюсь описанию?

– Ты? – Он прямо-таки удивился. – Ты – это ты! Оба рас-

смеялись.

– Сколько же ей лет, твоей неопикуемой?

Трудно сказать. Их ровесница. Может, чуть постарше. Шестнадцать примерно. Дагу уже исполнилось пятнадцать, Нора была на несколько месяцев моложе.

– Небось хочешь с ней познакомиться, да?

Даг удивленно и вопросительно взглянул на нее, потом улыбнулся.

– Не знаю. У меня же есть ты!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Последнее воспоминание о маме, такое живое, яркое.

Нора сидела в кроватке, пришло время дневного сна. Высоко над головой круг света – от лампы.

Мама была в черном. Она появилась в этом круге света, с зонтиком в белых цветах, открыла его и покрутила в руке. Улыбаясь. Опять сложила зонтик – пора идти.

Да свидания. До свидания. Она улыбалась.

Нора совсем не хотела отпускать маму. И не желала говорить «до свидания». Мама с сияющей улыбкой наклонилась к ней, а Нора не улыбнулась в ответ, вцепилась в зонтик, потянула к себе.

Не уходи! Она заплакала.

Но маме нужно идти. До свидания!

Воспоминание о папе было не таким отчетливым. Он стоял у мамы за спиной и говорил, что им надо поспешить. Если б не папа, возможно, она и сумела бы удержать маму. Возможно? Хотя он был сильнее. Внезапно протянул руку и отобрал у них зонтик. Нора взвизгнула. Но волей-неволей отпустила зонтик, который мама отпустила еще раньше. Папа был гораздо сильнее их обеих. Она заплакала навзрыд.

Родители склонились над ней. Ну-ну, они же скоро вернутся. А сейчас им пора идти. Обоим. Вместе. Слезами тут не поможешь.

Они помахали ей и попятились к двери. Мы скоро вернемся. Скоро. Скоро.

Папа взял маму за руку, и они ушли.

И больше не вернулись.

Жили-были...

Короткая сказочка.

Тут ей и конец.

Прошли годы, прежде чем Нора выяснила, что случилось. Никто не хотел говорить об этом. Все молчали. Пришлось докапываться самой. По кусочкам собирать головоломку. Сплошной сумбур, а помощи ждать неоткуда.

Мама с папой ехали на машине. Еще там замешался какой-то поезд. Но кто ехал на поезде, она не поняла и долго ломала над этим голову. Потом оказалось, что поезд просто ехал. Сам по себе. И машина ехала. И они столкнулись.

Виноват был поезд. Хотя кое-кто говорил, что папа. Вдобавок тут были замешаны двое похорон. Сперва одни. Потом еще одни. На первых мама и папа должны были присутствовать. Кто-то из стариков умер, и его хоронили.

Правда, мама с папой туда не успели. Они явно опаздывали, что-то с ними случилось, и они попали в больницу. Так или иначе, виноват был поезд.

А потом она услышала, что родители вдруг куда-то уехали. Далеко-далеко уехали, и когда они вернутся, никто не знал.

Нора между тем жила у папиного брата. Он добрый, и же-

на у него тоже добрая. Но сперва она была у бабушки, у маминой мамы, только вот бабушка все время плакала и ничего не могла делать. А дедушка, мамин папа, был в Америке.

Тогда же состоялись еще одни похороны, но на сей раз никто не говорил, кто умер. Опять кто-то из стариков? – спросила она. Ей сказали, что нет. И она больше не спрашивала.

Но решила, что поняла: это мама и папа. Ведь многие, глядя на нее, плакали и говорили «бедная малышка», хотя у нее нигде не болело. А они все равно говорили. И она поняла. Но не подала виду. И не заплакала.

Ни разу не заплакала. Потому что иначе бы ничего не узнала. Они как раз и боялись, что она начнет плакать.

Откуда им было знать, что, когда они шептались между собой и разговаривали по телефону, она всегда находилась поблизости, тихонько подкрадывалась и слушала. Подкрадывалась и слушала. Это была единственная возможность. Раз никто не хотел помочь и сказать правду.

Только однажды она спросила, когда мама с папой вернутся. И сразу об этом пожалела.

Потому что заранее знала ответ: этого никто сказать не может. Ведь они очень далеко... Так что вряд ли вернутся скоро.

Затем пошли разговоры о другом.

Через некоторое время все принялись обсуждать, как «на практике» лучше всего решить этот «вопрос». Причем решить так, чтобы все остались «довольны». Нора ездила по

родственникам, гостила то у одних, то у других. Все были очень добры. Но взять ее к себе никто не хотел. Они этого не говорили, но она ведь не дурочка, понимала.

В конце концов она тогда попала к Андерсу и Карин. Родня решила, что пока она там и останется. Пока, то есть до возвращения мамы и папы из долгой отлучки. Так будет лучше всего. И тут они не ошиблись.

Время шло, о родителях никто больше не говорил. В том числе и она сама. Мама и папа просто исчезли. И она этому не препятствовала. Не плакала, не рыдала. Они ушли навсегда.

Нора уже не задумывалась о том, что с ними случилось.

О маме и папе никто больше не спрашивал, но, когда они встречали на улице знакомых, те часто понижали голос и, указывая на нее взглядом (она чувствовала!), спрашивали: «Ну, как дела? Как она?»

И Андерс с Карин так же тихо отвечали: «Привыкла... все хорошо...»

Ложь, кругом сплошная ложь. Обман, в котором участвовали все. И она тоже.

Лишь спустя много времени она поняла: ей следовало заставить всех признать, что мамы и папы нет в живых. Что она в самом деле имела полное право узнать, как все произошло, имела право горевать и плакать.

Когда Нора наконец это уразумела, было уже поздно. Мама и папа стали чужими существами.

Однажды, вскоре после того как она пошла в школу, Андерс и Карин взяли ее в небольшое путешествие. В другой город. Цветы и свечи они захватили с собой и проехали прямо на кладбище.

Сумрачный осенний день. На могилах трепетали огоньки зажженных свечей. Наверно, был праздник Всех Святых.

Сперва они навестили могилу родителей Андерса, поставили цветы в вазу, зажгли свечи. Постояли там, глядя на огоньки, и Андерс немного рассказал о своих маме и папе.

Нора думала, что после они, как обещано, пойдут в кондитерскую, но вместо этого Андерс дал ей две свечи и сказал:

«А сейчас, Нора, мы навестим могилу твоих родителей и зажжем свечи для них».

Этого ей никогда не забыть. В тот миг она ненавидела Андерса. Все ее существо застыло, заледенело. Но пришлось идти.

Могилы мамы и папы?

Конечно, где-то у них должна быть могила, хотя Нора никогда об этом не задумывалась.

Она сама не знала, чего ждала. Могила, по крайней мере, выглядела как большинство других на кладбище. Серый четырехугольный камень, а на нем – имена мамы и папы.

Она поставила одну свечу, но со спичкой замешкалась. Зажгла ее лишь после нескольких попыток. И свеча наконец загорелась.

«А вторую свечу не зажжешь?» – донесся до нее голос Ка-

рин.

Ледяные руки не слушались, она закопалась, пришлось Андерсу помогать.

Теперь на могиле горели две свечи, и опять Карин мягко сказала: «Видишь, как хорошо: одна свеча для мамы, другая – для папы».

Но в сердце у Норы был холод, она чувствовала, что злится.

«Да, ложечку за маму, ложечку за папу», – услышала она свой голос. И звучал он очень недружелюбно.

Она заметила, как они переглянулись. У Андерса на лице читалось удивление, а Карин шагнула к ней и выглядела так, будто вот-вот заплачет. Нора отвернулась.

Сейчас уже поздно горевать по маме и папе. Своим молчанием они давным-давно отняли у нее все горестные чувства. Но само горе осталось. Избавить ее от этого никто не мог, при всем желании. Она чувствовала себя обворованной, не избавленной.

Только вот сказать об этом не смела. Трусила, как все.

И опять-таки даже намекнуть не решалась, что понимает: на кладбище они наверняка поехали по совету родни. Мол, теперь, когда девочка ходит в школу, будет лучше, если она вполне осмыслит, что родителей действительно нет в живых. Глядишь, в классе начнут задавать вопросы, любопытничать. А это тягостно и неприятно. Лучше выложить карты на стол.

Небольшая поездка на кладбище в День Всех Святых. Прекрасная мысль! Наверняка они так и рассуждали. Догадаться нетрудно.

Взрослые вечно мудрят. Дети, когда лгут, выдают себя чуть ли не сразу, они не такие хитрые. А взрослые верят в свою ложь. Или в свое право лгать. Детям в этом праве отказано. Их ложь просто-напросто постыдна. А ложь взрослых всегда имеет оправдание. Взрослые лгут исключительно из деликатности, сочувствия или благоразумия, так что ложь у них всегда чистая, возвышенная.

Во всяком случае, именно это они старательно внушают детям.

Впрочем, Нору на это уже не купишь. И Дага тоже. Только вот выводить взрослых на чистую воду ужасно неприятно. Особенно когда они якобы желают добра. Потому-то ей зачастую приходилось делать хорошую мину при плохой игре.

Однако ж они с Дагом помогали друг другу разобраться, понять что к чему, как только замечали, что кто-нибудь норовит переиначить реальность. Будь они братом и сестрой, возможно, им было бы не так легко. Но, играя в семье разные роли, они могли смотреть на вещи с разных сторон.

После поездки на кладбище было вправду замечательно, что рядом есть Даг. Ведь долгое время она чувствовала себя в обществе Андерса и Карин очень неловко. Ей казалось, они ждут, что она будет и выглядеть, и вести себя по-особенному.

Как-никак побывала на могиле родителей! Разве это не должно на ней отразиться?

Речь шла не только об Андерсе и Карин. Норе казалось, все смотрят на нее испытующе. С каким-то тягостным ожиданием в глазах.

Всем вдруг понадобилось, чтобы она вошла в роль горюющей сиротки. Раньше было наоборот. Тогда ей приходилось изображать беззаботность и неведение, разыгрывать этакую «бедную малышку», которую втайне жалели. А теперь изволь рыдать на груди у всех и каждого.

Ни за что!

При виде той могилы в ней самой ничто не дрогнуло. Но для других ее визит на кладбище явно стал поворотным пунктом. Отныне дозволены и повлажневшие глаза, и слезливые голоса. Любое обращенное к ней слово как бы тянуло за собою маленький горестный знак вопроса.

Очень неприятно. Сердце леденело.

«Пойми, дружок, тебе же будет легче, если ты выплачешься», – вздохнул как-то раз один из самых жалостливых голов.

Даг был тогда рядом, и Нора услышала, как он фыркнул. Она стояла, чувствуя на себе влажные взгляды и едва сдерживая смех. Щека уже дергалась. Даг схватил ее за плечо и потащил прочь. Давясь от хохота, взвизгивая, они убежали.

С тех пор эта фраза – «Пойми, дружок, тебе же будет легче, если ты выплачешься» – стала у них поговоркой в безвы-

ходных ситуациях.

Тогда же кое-кто решил, что необходимо снабдить Нору сведениями о маме и папе. Наверно, хотели подарить бедной сиротке толику прошлого, наделить ее должными воспоминаниями о покойных.

Они явно думали, что у нее нет собственных воспоминаний. Даже не спросили, перед тем как взяться за дело.

Годами обходили маму и папу молчанием, а теперь вдруг стали поминать их по всякому поводу и без повода. Постоянно твердили о разных трогательных и смешных вещах, какие они говорили и делали. Послушать их, так мама с папой были этикие бодрячки, нестерпимо сентиментальные и болтливые.

Вдобавок слишком хорошие для этого мира. Прямо ангелы с крылышками. Потому и погибли так трагически.

И фотографии они тоже притаскивали. Дурацкие снимки, изображавшие их самих вместе с мамой и папой. На пикниках, в лодках и автомобилях, на вечеринках и на пляжах. Смеющиеся и неузнаваемые лица, которыми они назойливо стремились ее заинтересовать.

Таким вот манером у Норы отняли собственные ее воспоминания. Думали обогатить ее память, а вместо этого стерли маму и папу, превратили в туманные, расплывчатые тени, которые отступали все дальше и дальше. Вот чего они достигли.

У всех других воспоминания просто замечательные. А у

нее блеклые, жалкие – ни в какое сравнение не идут. Ей приходилось драться изо всех сил, чтобы сохранить крупицы собственных воспоминаний.

Папина рука, крепко обнимающая ее на высоком мосту. Его ноги рядом с ее среди желтой листвы. Его глаза вечером, когда он шепчет «доброй ночи». Сияющее лицо мамы, когда утром она поднимает штору и кричит, что на улице идет снег. Смех в ее глазах, когда она шутит. Ее улыбка...

Эти картины принадлежали ей одной, их нельзя стирать и подменять ухмыляющимися фотографиями. Тех, кто делал подобные попытки, встречал резкий отпор – она разом ощетиновалась, становилась «противной нахалкой».

Какой бы скудной и жалкой ни казалась реальность, она все равно в тысячу раз замечательнее их выдуманных историй, которые рассказывали о ком угодно, только не о маме и папе.

Со временем стало полегче. Запасы воспоминаний, видимо, начали иссякать. Да и устали они от ее безразличия. «Странная девочка», слышала она; правда, нашлись и такие, что непременно норовили с нею поквитаться.

«Гляньте-ка! Мизинец у Норы кривой, точь-в-точь как у ее мамы!»

Замечание вроде бы невинное. Однако в устах говорящего кривые мизинцы означали, что у человека «преступные наклонности». Об этом Нора узнала еще раньше, от того же лица. И прекрасно понимала, что преступные наклонности в

мизинцах не прячутся. Речь о ней самой, это у нее преступные наклонности.

В другой раз выяснилось, что у нее папин «легкомысленный затылок». А легкомыслие – очень плохая черта. И папин «упрямый подбородок» тоже ей достался. Опять-таки ничего хорошего.

Преступная, упрямая, легкомысленная – вот она какая.

И все это Нора унаследовала от своих ангелоподобных родителей. Как одно вяжется с другим, доискиваться вообще не стоит. Но если она и не знала раньше, что такое лицемерие, то теперь узнала в полной мере.

Пусть только попробуют соваться со своими объятиями и лить слезы – она им покажет!

К Андерсу и Карин это не относилось. Они никогда не пытались сбавить ей всякие там слащавые воспоминания. Если не считать поездки на кладбище, которую изначально и затеяли-то не они, Андерс и Карин были людьми добрыми и чуткими. Это Нора знала.

И все же она невольно ловила себя на гадких мыслишках. Особенно о Карин, причем совершенно незаслуженно. Только совесть потом грызет, но над своими мыслями она не властна, к сожалению.

Есть такое выражение: «пригреть змею на своей груди».

Иногда Нора думала, что она и есть змея, которую пригрела Карин.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Раньше, до переезда сюда, Нора постоянно болела. Корью и краснухой, свинкой и ветрянкой, а вдобавок бесконечными простудами и другими мыслимыми и немислимыми хворями. Наверняка не очень-то весело посадить себе на шею ребенка, который вечно болеет, но Андерс и Карин, по обыкновению, не показывали виду.

А потом болезни разом прекратились. Как только они переехали в этот дом, так и прекратились. С тех пор Нора ни разу не болела. Переезд стал словно бы новым рождением.

Было в здешних комнатах что-то этакое – но что именно, она не знала. Может, тайная жизнь? В стенах. В освещении. В самом воздухе, которым дышишь. Даже в комнатных растениях. Они буйно росли и цвели круглый год, в том числе зимой, когда становилось темно.

И музыка здесь звучала по-другому. Стены словно вбирали в себя каждую ноту и любовно ее сохраняли. Иногда Норе так казалось. Она прижимала ухо к стене и воображала, будто внутри там парят звуки, выписывая таинственные вензеля, слагаясь в мелодии.

Дома имеют огромное значение. В этом они с Дагом не сомневались. Дома, они как живые существа. У них есть душа. Дома и люди не могут объединяться как попало и жить сообща. Не всегда они друг с другом ладят. Иной раз кое-

что попросту не сходится.

Однако Нора и этот дом были сродни друг другу, она сразу почувствовала, как только вошла.

Повсюду таинственные уголки и закоулки. Глубокие шкафы и темные чуланы. Арочные проемы между комнатами. Изразцовые печи. Блестящие латунные дверцы. Загадочные ниши.

Первое время Андерс ходил по комнатам и простукивал стены, проверяя, нет ли за ними пустот. Он задумал восстановить квартиру в ее давнем виде. Как выяснилось, прежние жильцы забили оргалитом и заклеили обоями все встроенные шкафы, расположенные немного высоковато.

Ремонт Андерс занимался сам, отделявал комнаты одну за другой. Комнат было восемь, не считая холлов и буфетных, и повсюду он, срывая обои, обнаруживал новые и новые шкафы.

У Норы в комнате шкаф наверху был такой огромный, что она могла там лежать вытянувшись во весь рост. Мало того, через другую дверцу шкаф сообщался с соседней комнатой. Несколько таких диковинных разветвленных шкафов прятались в темных углах квартиры.

«Не удивительно, что их заклеили», – сказала Карин. По ее мнению, шкафов и так хватало, и Андерс занимался ничемным делом.

Но тут она ошибалась. В особенности, если вспомнить о разных находках. Те, кто заколотил шкафы, не потрудились

опустошить их и вычистить. Там оказалось множество забытых вещей. Видно, их считали хламом и ничуть ими не дорожили.

Вещи сплошь старинные. Частью начала века, десятых-двадцатых годов. Судя по этим находкам, шкафы заклеили в начале тридцатых. К примеру, там обнаружилась пачка старых номеров «Семейного журнала», и последний был датирован сентябрем 1932 года. Впрочем, нашлось и много другого. Не шкафы, а прямо-таки сокровищницы.

Там отыскиались старинные лампы, подсвечники, пепельницы, вазочки, чернильницы, игрушки, абажуры, вышитые подушки. И книги, главным образом детективы и путевые записки. Все, что выходило из моды, явно отправляли на верхотуру и предавали забвению.

Хотя они знать не знали, кому некогда принадлежали все эти вещи, их не оставляло ощущение, что они вдруг очутились в опасной близости от целой компании незнакомых людей.

В Норииом шкафу нашлись синее ведерко с каменными шариками и вышитая бисером сумочка, в которой лежали флакончик духов и пожелтевшая фотография. Когда Нора вытащила пробку, из флакончика повеяло ароматом духов. На фотографии были изображены две сидящие молодые женщины, а между ними – маленький ребенок. Надпись на обороте гласила: «Агнес и Хедвиг, 1907 г.». Имя малыша не было упомянуто.

Еще они нашли полную коробку лоскутков, поверх которых лежал собачий поводок с именной биркой на ошейнике. Собаку, носившую ошейник, звали Геро.

Обнаружилась в Норином шкафу и обувная картонка с парой поношенных балетных туфель. Кроме них, там лежал на редкость маленький будильник с красивым расписным циферблатом. К сожалению, сломанный – не починишь. Нора ходила к часовщику, но тот не сумел его оживить. Механизм безнадежно испорчен, надо менять, а этого ей не хотелось. Пускай лучше так стоит.

У нее в шкафу было несметное количество старых журналов, а вот книга только одна. Сборник русских народных сказок, пополнивший коллекцию Карин. Ей же Нора отдала и затейливую старинную фарфоровую вазочку, опять-таки найденную в шкафу и украшенную изображением сказочной синей птицы с пышным хвостом. Карин решила, что вазочка предназначена не для цветов – горлышко слишком узкое, и поставила ее на комод в гостиной, для красоты.

Взамен Нора получила маленькую чернильницу с серебряной крышечкой и подсвечник.

Когда делили между собой эти вещицы, они чувствовали себя как в Сочельник. Андерса распирало от гордости: ведь шкафы отыскал он, а стало быть, и заслуга его.

Впрочем, кое-кто в новой квартире никак прижиться не мог – Мохнач, Андерсов пес. До сих пор не освоился, бродил по комнатам, унылый и недовольный.

Он был против переезда и недвусмысленно об этом заявлял. В два счета смекнул, к чему идет дело, и стал просто невозможным. Чем дальше, тем хуже, а когда пришло время сборов, вконец распоясался. Что ни день – жди какой-нибудь глупой выходки. Носился вокруг как неприкаянный да еще и норовил нашкодить. К примеру, надумал прятать всю обувь, какая попадалась ему на глаза. И каждое утро, прежде чем выйти из дому, они метались по комнатам, разыскивая свои туфли. А Мохнач с невинным видом лежал себе на кухне и прикидывался спящим.

Он и правда делал все, чтобы помешать сборам. Путался под ногами, в ключья драл газеты, приготовленные для упаковки фарфора, потрошил узлы с одеждой и другими вещами – словом, никакого сладу с ним не было. В конце концов пришлось запирать его на кухне. Но в отместку он при всяком удобном случае удирал от них на прогулке.

В последнюю ночь на старой квартире пес просто исчез – сбежал и не вернулся. Пришлось переезжать без него. А он, должно быть, специально все рассчитал, чтобы увильнуть от суматохи переезда.

На следующий день Мохнач нашелся – Андерс ходил за ним в полицейский участок. На пса было жалко смотреть – он плелся за Андерсом как живой укор, уныло повесив уши и хвост. На первых порах даже есть отказывался. Лежал в кухне на полу и глядел на всех с глубокой обидой.

Они пробовали устраивать для Мохнача экскурсии по

квартире, чтобы он хоть немного освоился. Но чуть не у каждого порога пес упирался, садился на задние лапы и скулил с совершенно идиотским видом. А в некоторые комнаты вообще заходить не желал. Например, в круглую. Уже на подступах круто поворачивал и, прижав уши и вытаращив глаза, бегом удирал в безопасную кухню. Или в кабинет Андерса. Только эти два места не вызывали у него протеста.

Что-то в квартире явно приводило пса в смятение. Даг считал, что собаки обладают способностью видеть и слышать то, чего люди не воспринимают. Значит, тут не иначе как есть что-то наводящее ужас, по крайней мере на собак. И поведение Мохнача кажется необъяснимым разве что на первый взгляд, говорил Даг.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Однажды, когда Нора ездила в Стокгольм навестить маминых родителей, дедушка обмолвился, что в ней есть кое-что особенное, так как родилась она в воскресенье.

– Никогда такого не слышала! – заметила бабушка, наградив деда суровым взглядом, который означал, что он слишком распустил язык и теперь не худо бы замолчать.

Но дедушка и бровью не повел. При желании он умел стоять на своем.

Да-да, Нора действительно родилась в воскресенье, а такие дети «слышат, как растет трава», – вот что сказал дедушка.

– В жизни ничего глупее не слыхала! – фыркнула бабушка. – Как можно забивать ребенку голову этакой чепухой?!

Нора смотрела то на одного, то на другую. О чем это они? Но ничего больше ей узнать не довелось, потому что бабушка была очень рассержена. Она безуспешно пыталась вдеть нитку в иголку, потому, дескать, и рассердилась. Хотя Нора отлично поняла, что бабушка, как всегда, сердилась на деда за его «глупую болтовню».

Вернувшись домой, Нора обо всем рассказала Дагу. Тот заинтересовался и сходил за книжкой, где было написано, как определить, на какой день недели приходится та или иная дата. И оказалось, дедушка говорил чистую правду. Но-

ра родилась в воскресенье.

И что же тут такого особенного? Она никогда не слышала, как растет трава. Вообще-то даже специально приложила ухо к газону и прислушалась. Но не уловила ни звука.

Даг навел справки и рассказал ей, что, согласно поверьям, дети, рожденные в воскресенье, якобы обладают шестым чувством. Хотя, может, и не все. Но некоторые, например, умели читать мысли, заглядывать в будущее и знали толк в вещах сверхъестественных.

Нора запротестовала. Это все выдумки. Она ни мысли читать не умеет, ни в будущее заглядывать, и незачем ему во все это верить. А сверхъестественное ее вообще не интересует.

– Чего ты так нервничаешь? – Даг улыбнулся, пристально глядя на нее, и она чуть не разозлилась.

Что это он вообразил? Разве нельзя родиться в воскресенье без того, чтоб тебя заподозрили в чтении чужих мыслей и прочих глупостях? Вот теперь она в самом деле поняла, почему бабушка в тот раз так рассердилась. Бабушка права. Лучше совсем не знать, что родился в воскресенье, иначе люди будут смотреть на тебя косо, как на чудака.

– Ничего подобного, – перебил Даг. – Наоборот. Ведь шестое чувство наверняка штука замечательная, а?

Но она не желала больше слушать такие разговоры. И взяла с Дага слово не касаться этой темы. Даг обещание держал, и она тоже забыла об этом. Хотя с нею нет-нет да и случались

не вполне объяснимые происшествия.

Как нынче, в этот мартовский день.

Нора пришла из школы и очень торопилась. Надо было встретиться с Леной, ее лучшей подругой, и сообща сделать домашнее задание – взять интервью у шофера-дальнобойщика, который их ждал.

Впопыхах она покормила Мохнача, впопыхах проглотила бутерброд, выпила стакан молока. И в ту самую минуту, когда, уже одетая, стояла в прихожей, неожиданно зазвонил телефон. Ну и черт с ним, снимать трубку некогда – Нора захлопнула за собой дверь и собралась было рвануть вниз по лестнице. Но телефон за дверью не унимался. Вдруг это Лена?

Нора отперла дверь и, вбежав в квартиру, сняла трубку.

Но звонивший просто ошибся номером. Женский голос. Нерешительный. Молодой. Сперва Нора сгорала от нетерпения. А потом ее словно подменили – почему-то она была не в силах повесить трубку. Хотя разговор казался совершенно абсурдным.

– Алло? Куда я попала?

– Это квартира Шёборгов.

– Та-ак. А кто у телефона?

– Нора. Нора Хед.

Небольшая пауза. Нора услышала отдаленный грохот, но вникать не стала.

– Нора? Это кто такая?

– Я, конечно.

– А-а, ну да... извини.

– Что тебе, собственно, надо? Ответа нет.

– Ты наверняка не туда попала...

– Быть не может...

– Куда ты звонила?

– Я... погоди. Сейчас посмотрю.

– Вообще-то я тороплюсь.

– Секунду!

– Мне пора идти.

– Нет-нет. погоди. – В голосе вдруг послышалась тревога, и вот тут-то Нора почувствовала, что не в силах повесить трубку.

– Ты можешь сказать, куда звонила?

– Это не имеет значения... Извини.

Трубку вроде бы положили. Нора стояла у телефона, со странным ощущением нереальности происходящего. До ее слуха опять донесся глухой грохот, будто что-то тяжелое рухнуло на землю, но она не придавала этому значения. Медленно, неуверенно опустила трубку и уже хотела положить ее на рычаг, как вдруг на том конце снова раздался голос:

– Алло?

– Я слушаю. В чем дело?

– Извини... Теперь все в порядке. Можешь повесить трубку.

– Да в чем дело-то? Что в порядке?

– Пока! И еще раз извини.

Гудки. Нора тоже повесила трубку, чувствуя себя как в трансе.

Куда это она собиралась?

Ведь только что ужасно спешила? Почему?

Ну да, Лена и шофер-дальнобойщик?! Но сейчас все это уже казалось неважным. Она-то здесь при чем?

Хотя все равно надо пойти и разобраться. Иначе они обидятся.

Она закрыла квартиру и медленно спустилась по лестнице.

Но ощущение нереальности исчезло, только когда она открыла входную дверь. Прямо у подъезда стояла кучка людей. Все смотрели вверх, на крышу. Кто-то окликнул ее, показывая на тротуар.

Прямо перед дверью виднелась куча льда и снега. И огромная, даже исполинская сосулька. Буквально только что произошло несколько жутких обвалов. Выйди она чуть-чуть раньше, вполне бы могла получить этой сосулькой по голове и, чего доброго, умереть. В два счета.

Народ испуганно глядел на нее.

Кто-то даже про ангела-хранителя вспомнил.

Она хотя бы понимает, что была на волосок от гибели?

Нора совершенно растерялась.

– Гм... ну, мне здорово повезло, – промямлила она и поспешила прочь.

Повезло? Ведь едва на тот свет не отправилась! Народ только головой качал, провожая ее взглядом.

Нора прибавила шагу, почти побежала. Телефонный разговор не шел у нее из головы.

Если б та девчонка не ошиблась номером...

А кстати, однажды с нею уже случилось такое, вспомнила она. Вскоре после переезда, когда Андерс делал ремонт.

На шатком помосте над одной из дверей стояло тогда большое тяжелое малярное ведро.

А она собиралась в эту дверь пройти...

Тут-то и зазвонил телефон!

Нора хорошо помнила, что стояла с трубкой в руке и смотрела, как помост обваливается и ведро летит на пол.

Карин вскрикнула. Из-за этого помоста, ведра и пролитой краски поднялся жуткий переполох. О ней все и думать забыли. Впрочем, никто, кроме нее самой, не знал, что она как раз направлялась к этой двери и, если б не телефон, всё наверняка бы рухнуло ей на голову.

В тот раз кто-то опять-таки ошибся номером.

Уж не эта ли самая девочка?

Может, ей померещилось, но голос был вроде как знакомый.

Над тем давним происшествием она особо не ломала себе голову. Почти сразу же забыла о нем.

Но на сей раз забыть труднее.

Такое впечатление, что это происшествие не случайность,

а скорее часть большого целого. Звено неведомой цепи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

– Между прочим, речь в моем сне шла о тебе, Нора!

Даг пристально смотрел на нее. Все-таки временами он слишком уж странный. Не в меру серьезный. Не в меру восторженный.

– Ты даже не слушаешь меня!

В его голосе сквозит разочарование. Нора села в кровати.

Конечно же она слушала. Но ведь сейчас только начало седьмого. Рановато, пожалуй...

Даг ворвался в комнату всего лишь минуту-другую назад, заспанный, но возбужденный, растолкал ее и захлебнулся что-то рассказывать. Уловить смысл было очень непросто.

Ему приснилось, будто на утреннем собрании в школе директор внезапно взмахнул рукой, указал на Нору и крикнул:

«Элеонора Хед! – (Ее крестили Элеонорой, но обычно называли Норой.) – Элеонора Хед! Встань!»

Нора встала, и директор велел ей немедленно отправляться на поиски.

«Иди и ищи!» – провозгласил он, да так громко, что весь зал загудел эхом. А когда Нора спросила, куда ей идти и что искать, то в ответ услышала:

«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».

Объяснил, нечего сказать! На этом сон Дага кончился. От-

кровенно говоря, трудноато принять все это по-настоящему всерьез. Конечно, обижать Дага не хочется, но если сон означает, что она сию же минуту побежит не знаю куда искать не знаю что, так это уж чересчур, спору нет, особенно сейчас.

– Ты ведь не станешь отрицать, что задание довольно-таки туманное? Мягко говоря!

Разумеется, Даг этого не отрицал. Но сны часто бывают загадочны и требуют истолкования, и его сон может оказаться важным. Когда проснулся, он сразу это почувствовал и решил немедля рассказать обо всем Норе. Вот и рассказал. Пусть она теперь толкует этот сон по своему усмотрению.

– Спасибо тебе. Я непременно его обдумаю.

– Обдумай! Во всяком случае, я тебе рассказал... Даг ушел, а Нора опять нырнула под одеяло.

Можно еще часок вздремнуть. Странный сон. Она не стала говорить об этом Дагу, но ведь обычно в снах дело идет о том, кто их видит. Значит, скорее всего, Дагов сон касался его самого, а не ее.

И вопреки обещанию все обдумать, она про этот сон забыла.

После школы они с Дагом встретились на кухне, но ненадолго, потому что ему надо было спешить в балетную студию. Перед уходом он с важным видом вопросительно посмотрел на нее, однако ничего не сказал. А она думала о другом.

Необходимо наконец-то написать бабушке. Много времени это не займет. Но до чего же трудно собраться!

Бедная бабушка! Ходит, наверно, заглядывает в почтовый ящик, а письма нет как нет.

Время от времени бабушка присылала маленькие подарки, а Нора письмом благодарила ее. Собственно, все контакты между ними теперь этим и ограничивались. Конечно, жили они в разных городах, но не так уж и далеко друг от друга. Хотя казалось, что далеко. Расстояние было скорее психологического свойства, чем географического. После смерти мамы они все больше отдалялись друг от друга.

Маминим родителям приходилось нелегко, Нора понимала. Мама была их единственным ребенком. И они не смогли примириться с тем, что она ушла навсегда. А Нора как раз и напоминала им, что свою дочку они потеряли. И она их жалела.

Дедушка вообще почти не давал о себе знать. Стеснялся. Бабушкины письма, приложенные к подаркам, обычно заканчивались коротенькой строчкой: «Дедушка шлет привет». Эти слова он писал сам, красивым почерком. Всего три слова, и только. Но хоть что-то. Иначе она бы встревожилась.

Нора села за письменный стол. Ну, сейчас напишем! Она достала почтовую бумагу. И продолжала сидеть, глядя на нее.

На улице явно холоднее, чем кажется. Дым валил из труб и сплывал вниз, к земле. Ветер гнал белые клубы мимо окна.

Нора никак не могла сосредоточиться. Сквозь тучи проглядывало солнце, золотило дымные полосы. До чего же красиво. Нет, надо собраться!

Она попробовала представить себе лицо бабушки. И дедушки. И вдруг ей вспомнился один давний случай, произошедший, когда они с Карин ездили к бабушке и дедушке в гости. Было это всего через год-другой после несчастья. Они сидели за круглым столом, обедали.

Внезапно раздался звонок в дверь, дедушка встал. Но бабушка остановила его, она не хотела, чтобы он открывал. Звонок повторился, и тогда она, вздохнув, позволила ему выйти из-за стола. А сама напряженно прислушивалась к тому, что творится в холле.

Оттуда доносился голос, оживленный и веселый, но бабушка держалась как-то странно. Она громко окликнула деда: «Биргер, мы заняты!»

Резко так окликнула и выглядела очень недружелюбно. Нора прямо испугалась: бабушку как подменили.

«У нас нет времени!» – опять крикнула бабушка.

И тут кто-то впорхнул в комнату. Не то взрослая женщина, похожая на девочку, не то девочка, похожая на взрослую. Нора глаз от нее не могла отвести. Густые черные волосы, большие темные глаза. Красавица.

«Я должна познакомиться с Норой!»

Она засмеялась, потом улыбнулась всем, но подбежала напрямиком к Норе и заключила ее в объятия. Посмотрела Но-

ре в глаза, взяла за руки, осторожно обвила ими свою шею, ласково погладила и прошептала:

«Мама у тебя была замечательная. Я ее знала».

На глазах у нее выступили слезы, она крепко прижала Нору к себе. Нора тоже крепко ее обняла, сердце колотилось, от радости ее бросило в жар.

Тут она глянула на бабушку – и похолодела. Взгляд у бабушки был недобрый.

Нора испугалась. Что она сделала не так?

Она и не представляла себе, что у бабушки может быть такой взгляд! Не узнавала ее. Огляделась по сторонам в поисках помощи. Но дедушка стоял спиной, смотрел в окно. А Карин помешивала ложечкой свой кофе. Атмосфера в комнате была ужасная. Недобрая.

Нора не посмела обниматься дальше. Медленно разжала руки, и девочка-тетя, все поняв, тотчас ее отпустила.

«Мне пора идти».

«Вот спасибо. Нам хочется побыть в своем кругу. Малышка Нора навещает нас не слишком часто».

Голос бабушки, жесткий, неприветливый.

«Да, конечно, простите меня...» – Девочка-тетя помахала Норе рукой, улыбнулась и выпорхнула из комнаты. Дедушка вышел следом, закрыв за собою дверь. Вернулся он расстроенный.

Потом все заговорили о другом. Будто ничего не произошло. Для них явно было очень важно ни словом не упомя-

нуть о только что ушедшей. Они делали вид, будто ее не существовало. Нора недоумевала. И боялась.

На обратном пути она спросила у Карин, кто это заходил к бабушке. Карин долго смотрела на дорогу, потом наконец ответила, что сама толком не знает, наверно, какая-нибудь бабушкина родственница. Очень-очень дальняя.

«Она знала маму!» – Нора схватила Карин за плечо.

Карин не слышала, она как раз обгоняла какой-то автомобиль и думала о другом. Нора упрямо повторила: «Она знала маму!»

Но, по-видимому, у Карин не было на это ответа. Она опять следила за дорогой. А немного погодя сказала, что некоторых людей нужно остерегаться.

«Почему?»

Ну, некоторые люди очень прилипчивы, никак от них не отвяжешься.

«Это как же?»

Трудно объяснить; Карин вздохнула. Нора еще слишком мала, но когда-нибудь она поймет, что Карин имеет в виду. Эта вот особа как раз из таких – если не остерегаться, мигом прилипнет. Потому бабушка и не хочет ее привечать.

Теперь Норе понятно?

Она тогда поняла только, что продолжать расспросы бессмысленно. А потому показала на зайца у обочины. С тех пор речь о девочке-тете больше ни разу не заходила.

Почему же Нора вспомнила о ней сейчас?

Порой мысли впрямь возникают из ничего.

Окно опять заволочло дымом, и по комнате словно поплыли волны света.

Тут-то она вдруг и услышала этот звук!

Часы, что ли, тикают где-то поблизости? Негромкий, но звонкий металлический звук пел в воздухе. Нора огляделась.

Нет! Быть не может!

Маленький будильник на окне! Тот самый, который нашелся у нее в заколоченном шкафу во время ремонта. Который не желал ходить, сколько она его ни трясла. Про который часовщик сказал, что он безнадежно испорчен, надо менять механизм. А он сейчас знай себе тикает!

Просто невероятно. Но часы идут! Она видит, как ажурная, позолоченная секундная стрелочка бежит по циферблату.

Только вот... Нора глядит во все глаза! Что-то не так?

Часы идут назад!

Стрелка движется в обратном направлении!

Нора изумлена. Ошарашена.

В тот же миг за спиной раздаются знакомые шаги. Они уже в соседней комнате. Почти у ее двери. Явственные шаги легких ног. Осторожно приближаются, шаг за шагом. Нора чувствует, как по затылку бегут мурашки.

Шаги замирают. Останавливаются на пороге. Она сидит не шевелясь. Кто-то незримый стоит там, глядит на нее. Ждет. А часы все тикают. Тикают. Тикают.

– Что тебе нужно? – слышит Нора собственный голос. – Скажи, что тебе нужно!

Голос звучит ровно, это успокаивает ее, но ответа нет.

Она закрывает глаза, крепко зажмуривается и считает секунды, которые в тишине отмеряет будильник, отмеряет во времени вспять. Она сбивается со счета. Начинает снова. Сбивается. Начинает...

Наконец-то! Опять одна.

Осторожно она открыла глаза, осмотрелась. Солнце ушло за тучи. Кругом полная тишина.

А будильник? Он что же, остановился? Не слыша его, она встала, подошла к окну, встряхнула. Он был совершенно безжизнен. Секундная стрелка не двигалась – ни вперед, ни назад. По-прежнему испорчен, сломан. Нора поставила будильник на старое место.

Ой, все-таки надо написать письмо.

«Дорогая бабушка! Я очень обрадовалась, получив...»

Что это было?

Все уже дома? Вроде стукнуло где-то?

– Э-эй! Кто здесь?

Нора выбежала из комнаты. Дома никого. Она прошлась по квартире. Ни души, пусто везде. Мохнача Карин взяла с собой на работу, в библиотеку.

Стук донесся, наверно, из другой квартиры. Хотя ей казалось...

Ба, смотри-ка!

Она вправду не ослышалась. На полу в библиотечной комнате лежала открытая книга. Не иначе как свалилась с полки, сама собой. Интересно, как? Книжки-то стоят впритирку!

Нора подняла книгу, взглянула на заголовок.

«Русские народные сказки», найденные у нее в шкафу и отданные Карин, поскольку та собирала сказки. Может, Карин небрежно поставила книгу на полку? Нора поставила ее на стеллаж, удостоверилась, что она крепко зажата меж своими соседками, а потом вернулась к себе и дописала письмо бабушке.

В этот вечер, после ужина, Андерс собирался пересаживать комнатные растения, и Даг давно обещал помочь. Но теперь ему, оказывается, надо было ехать в балетную студию, на репетицию, ведь в мае у них спектакль. Даг не подумал об этом, когда уговаривался с Андерсом.

Андерс расстроился. Придется все отложить. Карин-то вечером дежурила в библиотеке.

– А я? Я могу помочь. Мне куда идти не надо. Андерс удивленно посмотрел на Нору. Она что, вправду готова помочь?

Почему бы и нет? Нора обиделась. Почему ее никогда не принимают в расчет? Вот опять тревожный знак, что она тут чужая, хоть они и старались это скрыть. Казалось бы, вполне естественно, что и она будет участвовать в домашних делах. Что все важное для них важно и для нее. Так нет же!

Стоило ей что-нибудь сделать, как происходила странная

вещь. Каждый раз они устраивали вокруг этого ажиотаж. Будто ей не положено себя утруждать. Неужели непонятно, что тем самым они ставят ее вне семьи?

Впрочем, все дело наверняка в добрых намерениях. Она ни в коем случае не должна думать, будто они ее используют. И другие глупые мысли ей ни к чему.

В конце концов Андерс согласился принять Норину помощь. Но только с маленькими горшками. Большие подождут до возвращения Дага. Для Норы они слишком тяжелые, так он считал.

Вообще-то ничего подобного, но всякая работа по дому очень утомляла Андерса. Лень тут ни при чем, да и «безруким» его не назовешь. Ведь всю квартиру своими руками отремонтировал, практически в одиночку. Но тогда он сам так решил.

А вот когда решение принимал кто-нибудь другой, в голове у Андерса происходило самое настоящее замыкание. И всё безумно усложнялось. Пересадить цветы велела Карин. У нее не было времени, и она попросила его. В свою очередь Андерс попросил Дага. А в итоге случилась такая незадача. Помочь вызвалась одна только Нора. Андерс озабоченно покачал головой.

В основном он так и стоял с трубкой в зубах и растерянным видом. Чего стоит хотя бы извлечь растение из старого горшка! А Нора-то вон как ловко управилась. Сам Андерс едва не поломал и растение, и горшок. Нет, это не для него.

А Нора радовалась, ей было приятно помогать Андерсу, она чувствовала себя вправду полезной.

Когда горшки снова стояли на своих местах, политые и довольные, Андерс отправился на вечернюю прогулку. Он пойдет за Карин в библиотеку. Нора осталась в квартире одна.

На улице стемнело. По окнам пробежали тревожные блики, когда фонари раскачивались на ветру. Пятна света металась по стенам.

Нора быстро пошла к себе – скорее в свою комнату. Она не то чтобы боялась, но...

Из всех углов выглядывали тени. В зеркалах, когда она шла мимо, что-то мелькало. По дороге она тут и там включала лампы. Как световые ориентиры во мраке.

На ковре в библиотеке Нора споткнулась. Зажгла свет и увидела, что на полу опять валяется книга.

«Русские народные сказки»!

Как же так? Ведь она аккуратно поставила их на полку! Снова подняла книгу. Рука легонько дрожала.

Книга была открыта, как в прошлый раз, и на той же странице. Но в прошлый раз она туда не заглянула. А теперь глаза сами уткнулись в текст. В такие вот строчки:

Послушай-ка, что я тебе скажу! Служил ты мне верой-правдой, и вот тебе такой указ: Поди туда – не знаю куда, Принеси то – не знаю что!

Нора ошеломленно смотрела на эти слова. Перечитыва-

ла их снова и снова. Чем-то они ей вроде как знакомы. Эти странные, бессмысленные слова. Где она могла их слышать?

Она медленно закрыла книгу, поставила ее на полку. И тут вдруг вспомнила!

Сон!

Дагов сон, который он рассказал нынче утром. А она толком не слушала. Именно эти слова произнес во сне директор.

«Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что!» – сказал он.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Сперва Нора едва не помчалась к Дагу, чтобы все выложить, но вовремя вспомнила, что его дома нет, а потом у нее возникли совсем другие мысли.

Даг – большой фантазер, да и она тоже легко увлекалась и входила в раж. А делать из мухи слона совершенно незачем.

Всё, конечно же, куда менее странно, чем кажется.

Она успела обдумать ситуацию.

Упавшая книжка и сон – просто совпадение. Даг наверняка листал сказки и набрел на эти строки, запомнил их, сам того не сознавая, а потом они всплыли во сне.

И что книжка сама собой свалилась на пол, в общем, тоже вполне объяснимо, если вдуматься. По улице часто проезжают тяжелые грузовики, и тогда весь дом дрожит. Переплет у книги глянцевый, скользкий, вот она мало-помалу и вытряхнулась с полки.

Да и в истории с будильником тоже ничего удивительного нет. Комната у Норы солнечная. И как раз на подоконнике, где стоял будильник, было сущее пекло. Внезапный нагрев, разумеется, и привел механизм в действие. А как только солнце ушло, часы остановились. В этом все дело.

Но шаги? Как объяснить их?

Тут будет посложнее. Конечно, половицы в старых домах иной раз скрипели, и казалось, будто по ним кто-то ступает.

Однако в соседней комнате пол целиком был мягкий, ковровый. А не дощатый. Но шаги звучали так, словно ступали по дощатому полу.

Хотя причин для беспокойства все равно нет. Шаги ничем ей не угрожали, она чувствовала, и это самое главное.

Словом, если вдуматься и не паниковать, в большинстве случаев отыскивалось вполне естественное объяснение. Поэтому Нора ничего Дагу не сказала.

Но однажды вечером, примерно неделю спустя, когда она после прогулки с Мохначом вернулась домой, Даг встретил ее в передней, и вид у него был возбужденный и таинственный.

– Знаешь, тебя тут по телефону спрашивали.

– Да? А кто?

– Понятия не имею. Разговор был какой-то странный.

Звонила старушка, спросила Элеонору Хед. Услыхав, что Норы дома нет, она растерялась и замолчала. Похоже, очень старая.

– Голос старческий такой, ломкий.

– Она не назвала себя?

– Нет, я даже спросил, а она ответила, что это значения не имеет.

– Предложил бы ей перезвонить.

– Я и предложил, но она, как услышала, что трубку взяла не ты, поспешила закончить разговор. Оробела, что ли.

– Значит, она не сказала, зачем звонит?

Ну как же, под конец попросила передать Норе – точнее, Элеоноре, она так говорила, – чтобы та наведальась в один маленький магазинчик в стокгольмском Старом городе. Адрес Даг записал. Там ей нужно спросить некую Сесилию Агнес.

– Сесилию Агнес? – Нора вопросительно посмотрела на Дага. – А фамилию она не назвала?

– Нет. Но утверждала, что в Стокгольм ты поедешь на этой неделе. И тогда непременно стоит наведаться в Старый город, так она сказала.

Ничего себе разговорчик! Нора нетерпеливо мотнула головой. Она вовсе не собирается в Стокгольм! В школе они, конечно, обсуждали поездку всем классом, но решили отложить ее до следующего года. Сейчас ни у кого нет денег, лучше подкопить, а уж тогда и ехать. Да и Стокгольм, в общем, на повестке дня не стоял. Большинство там уже не раз бывало.

– Я ей сказал, что ты вряд ли скоро поедешь в Стокгольм. Но она и слушать не желала. Говорила так, будто это ужас как важно.

– Что важно?

– Чтобы ты зашла в тот магазинчик в Старом городе и разыскала Сесилию Агнес.

– Но ведь это невозможно! Не получится. Все-таки хорошо бы ей перезвонить.

Даг считал, что это едва ли. У него сложилось твердое впечатление, что старушка перезванивать не станет. Она сооб-

шила, что хотела, а там будь что будет. Голос у нее звучал решительно, когда она попрощалась и положила трубку.

– Да, странный был разговор. Я ничего не понял. А ведь какой-то смысл в нем наверняка есть...

Нора быстро взглянула на него. На секунду у нее мелькнула мысль, что, возможно, этот телефонный разговор – ответ на странный призыв книги и Дагова сна идти «туда – не знаю куда» и принести «то – не знаю что».

Может, ей надо в Старый город? Искать эту самую Сесилию Агнес?

Не мешало бы выяснить, что думает Даг.

– Даг!

– А?

– Нет, ничего. – Она вдруг отбросила эти мысли. Наклонилась и погладила Мохнача, который враспяжку лежал на ковре.

– Нора... – Даг сел на пол рядом с Мохначом. Задумчиво посмотрел на нее.

– Что?

– Ты что-то хотела мне сказать? Она пожала плечами, пряча глаза.

– Так, пустяки.

Но Даг не сводил с нее пристального взгляда.

– Я хочу с тобой поговорить. Сядь!

Она послушно села. По другую сторону от Мохнача. Сперва оба молчали, тормозили пса. Потом Даг вдруг ска-

зал, ни с того ни с сего, как ей показалось:

– Иногда с тобой ужасно трудно. Ты об этом знаешь?

Она не ответила, и он добавил:

– Хотя, наверно, трудно бывает со всеми. И со мной тоже.

– Об этом ты и собирался поговорить?

– Нет, просто вдруг подумал... Мне кажется, мы оба сейчас ходим по кругу, словно кошка вокруг горячей каши.

– Да? Что ты имеешь в виду?

Даг перегнулся через Мохнача и, не глядя на нее, сказал:

– По-моему, снами пренебрегать не стоит.

– Может быть, только я редко помню свои сны.

– Не виляй! Ты прекрасно знаешь, о чем я.

– Вовсе нет...

– Еще как знаешь! Но если хочешь закрыть глаза, тогда закрывай! Я мешать не стану.

Даг шевельнулся, собираясь встать, однако Нора остановила его.

– Сиди! Давай-ка выкладывай, что ты имеешь в виду!

Он сел и в упор посмотрел на нее.

– Я имею в виду, что этот телефонный звонок вполне может быть продолжением моего сна. Ты же и сама наверняка так подумала, а?

– Ну, в общем, подумала, только...

– Я так и знал. Вот видишь. В таком случае ты поняла, что тебе нужно обязательно поехать в Стокгольм. И пойти в тот магазинчик, что в Старом городе. И спросить насчет

этой девчонки, Сесилии Агнес.

– Девчонки? Почему ты решил, что это девчонка? Она так сказала?

– Не-а, но, по-моему, уж точно не мальчишка. Нора нетерпеливо вздохнула. Она имела в виду совсем другое. Ведь это может быть и пожилая дама, верно?

Тут Даг явно ничего возразить не мог. Пожал плечами и с рассеянным видом сменил тему. Заговорил о том, что жизнь намного содержательнее, чем считают люди. Ведь глупо же – верить, будто хилый человеческий умишко способен постичь все.

Как подумаешь об этой наглости, прямо зло берет. Так оскорблять мироздание!

– Нам бы следовало хоть чуточку уважать и принимать в расчет тайные знаки, которые вправду нам даются. А мы только и делаем, что затыкаем уши, закрываем глаза да рубим сплеча, воображая, будто сами все знаем. – Даг встал и, продолжая рассуждать, взволнованно прошелся по комнате. Потом вдруг остановился и строго посмотрел на Нору. – Ты меня слушаешь?

– Конечно.

Это была правда, она слушала внимательно, и он продолжил:

– Нам необходимо гораздо чутче, не как сейчас, относиться к многообразным способам, какими выражает себя жизнь. Тайные знаки и сигналы мы получаем все время. Но отыски-

вать их должны сами. А это нелегко, ведь мы по уши погрязли в рекламе всякого барахла. Мы должны быть бесконечно благодарны, что жизнь вообще берет на себя труд изредка подать нам сигнал! – Он сверлил Нору взглядом. – Понимаешь?!

– Да, учитель! – Она сидела прямая, как кочерга. Даг прыснул.

– Ладно, Нора, хватит на сегодня. Теперь ты, во всяком случае, понимаешь, что мои сны надо принимать всерьез.

– Даг! – Что?

– Идем, я тебе кое-что покажу!

Она вскочила и, опережая его, побежала в библиотеку. Хотела показать ему «Русские сказки». То место, на котором открылась книга, когда сама собой упала на пол. В смысле, из-за транспорта на улице. Так она рассказала Дагу.

– Ты же знаешь, какие тяжеленные грузовики тут иной раз ездят.

Даг посмотрел на нее с сомнением.

– Книжки-то из-за этого на пол не падают, а? Где она стоит?

Нора подошла к стеллажу. Она точно помнила, куда поставила книгу. Но там ее не было. И на полу тоже не видно. «Русские народные сказки» исчезли.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

На следующий день Андерс, вернувшись из школы, сообщил, что в эту субботу вместе со своим классом едет в Стокгольм. Вот так, в пожарном порядке. Намечена экскурсия в Технический музей, и Андерс спросил, нет ли у Дага и Норы желания поехать с ними. По коллективному билету.

Нора почувствовала, что Даг смотрит на нее. Они все четвером мыли на кухне посуду. Карин тоже была здесь.

– Вот здорово! Заодно Нора сможет навестить дедушку и бабушку, – сказала Карин.

Нора лихорадочно вытирала половник и молчала. Хотя и видела, что Даг делает ей знаки.

– Ты понимаешь? – шепнул он.

Конечно. Она понимала. Но пока не говорила ни слова. Даг сказал, что с удовольствием поедет, и Андерс вопросительно взглянул на нее.

– А ты?

Чтобы выиграть время, Нора уронила вилку.

– Тебе совершенно необязательно идти с нами в музей, если ты не хочешь. Можешь делать что угодно, по своему усмотрению. Только к поезду не опоздай, чтобы нам уехать домой всем вместе. Ну как, согласна?

В общем, да. Сперва она позвонит бабушке и спросит, можно ли к ним заехать. А уж потом решит окончательно.

Даг недоуменно посмотрел на нее, а когда они остались вдвоем, спросил, как это понимать. Ведь ей представляется возможность навестить магазинчик в Старом городе. Опять-таки знак, неужели не ясно?

Верно. В том-то и дело. Она не желала признавать, что ее поступки предопределены. Неведомыми силами, о которых ей ничего не известно. Со вчерашнего дня она успела все обдумать.

– Я так не хочу! Я хочу сама собой распоряжаться! Но диктат неведомых сил тут ни при чем. Она ошибается. Речь идет о чуткости. О восприимчивости. К сокрытым тайнам жизни.

– Нет. Речь обо мне! Плевать я хотела на знаки и сокрытые тайны. Я – человек свободный!

Голос у Норы звучал решительно, чуть ли не сердито.

– У нас об этом, как видно, совершенно разные представления, – сказал Даг, с обидой и глубоким разочарованием. А Нора расхохоталась.

– Зря ты так разволновался. Может быть, я и поеду в Стокгольм. Надо же проведать дедушку с бабушкой.

Но когда Нора позвонила в Стокгольм, там никто не ответил, а на другой день пришла открытка из Даларна¹. Дедушка с бабушкой были в отъезде, домой они вернутся только в следующий понедельник. Стало быть, с визитом придется повременить.

---

¹ Даларна – историческая область Швеции. (Здесь и далее примеч. перев.)

– Значит, ты не поедешь? – мрачно заключил Даг. Нора промолчала. Она еще не решила. А дело было в пятницу, накануне поездки.

Вечером Даг неожиданно спросил у Карин, не видела ли она «Русские народные сказки». Тут-то и выяснилось, что Карин просто их переставила, они стояли не на месте. Им положено находиться в комнате у Карин, среди остальных сказочных сборников, а вовсе не в библиотеке. Ей вообще непонятно, как они там очутились. Даг сходил за книгой и протянул ее Норе.

– Что ты хотела мне показать?

Однако Нору обуял дух противоречия. Как раз сейчас ей ни капельки не хотелось показывать Дагу тот отрывок и лить воду на его мельницу. С этим можно подождать. Смеясь она взяла книгу, открыла наугад и нарочито высокопарным тоном прочла первые попавшиеся строчки:

Помни и исполни последние мои слова. Я умираю и вместе с родительским благословением оставляю тебе вот эту куклу; береги ее всегда при себе и никому не показывай; а когда приключится тебе какое горе, спроси у нее совета.

Даг посмотрел на нее с удивлением. Что она хочет этим сказать? Нора смеясь пожала плечами. Ничего, просто так выпало.

– Но показать ты собиралась не это?

– Честно говоря, нет. Но сейчас я не сумею найти то место. В другой раз покажу.

Она отложила книгу, и Даг разочарованно ушел, буркнув: – С тобой вправду трудно. Не пойму я тебя. Нора рассмеялась. Она не сказала, но, услышав, что сказки благополучно нашлись, а никуда не исчезли, она почувствовала облегчение.

– Можешь думать что угодно! – крикнула она вдогонку Дагу. – Завтра я все равно поеду с вами в Стокгольм. Я так решила!

Отъезд был назначен на раннее утро. На семь часов. Но поезд опаздывал. Мальчишки из Андерсова класса теснились на вокзальных диванах, и от недосыпу вид у них был осунувшийся. Один только Андерс выглядел вполне бодрым. Он любил экскурсии и предвкушал чудесный денек.

Нора в этот ранний час тоже не совсем еще проснулась, а Даг бродил с рассеянной улыбкой на лице, иначе говоря, дремал на ходу.

Словом, когда после почти часового ожидания наконец-то сели в поезд, настроение было весьма унылое. Вот и хорошо, подумала Нора; она устроилась в уголке возле окна и спряталась под своим пальто. Можно поспать. Поезд тихонько ее укачает.

Но нет. Как только поезд отошел от платформы, все вокруг почему-то оживились. Настроение с прямо-таки пугающей быстротой взмыло вверх и в итоге достигло таких высот, что о сне и думать было нечего. Она выглянула из-под пальто – посмотреть, как там Даг. Вдвоем можно бы, пожа-

луй,лизнуть в другое купе, отделаться от этой малышни. Всего-то на два года моложе, а как заметно. Им бы только покричать для полного кайфа.

Нора огляделась, искала Дага. И, к собственному разочарованию, увидела, что он самозабвенно играет с каким-то мальчишкой в крестики-нолики. Она встала и в одиночку смылась в другой вагон. Там было почти пусто, она села в уголок и заснула. Сквозь сон слышала временами, как мимо проходят люди, но не обращала внимания.

Несколько раз по вагону протарахтела кофейная тележка. До Норы долетали голоса, громкий шум, а во сне эти звуки еще усиливались. Она открыла глаза и увидела женщину в белом халате, с пышными темными волосами, которая разливала по чашкам кофе.

Шум и белый халат навеяли Норе сон про больницу. Правда, очень бессвязный. Как часто бывало, речь в нем шла об автомобильной аварии, в которой погибли мама и папа.

Женщина в белом халате стояла склонившись над мамой. Во сне она преобразилась не то в доктора, не то в медсестру. Положила руку маме на лоб и спросила, не узнаёт ли мама ее. «Я – Карита, – сказала она. – Ты забыла меня?»

Но мама умерла и не отвечала.

Больше ничего из этого сна Нора не запомнила.

Проснулась она оттого, что за спиной кто-то позвал: «Карита!» – и вдалеке послышалось гроыханье кофейной тележки, катившей по вагонам обратно.

Голос, что позвал Кариту, был приглушенный, даже застенчивый. Чистый девчоночий голос. Женщина с кофейной тележкой улыбнулась и издали помахала рукой.

Немного погодя она появилась в проходе, с чашкой горячего шоколада в руке. На лице у нее играла легкая усмешка, да такая прелестная, что Нора глаз не могла отвести. Мимолетно женщина посмотрела на Нору, и взгляды их на миг встретились.

Девочка с чистым голосом сидела прямо за Норой. И Нора слышала, как они шептались между собой и хихикали. Девочка явно доводилась буфетчице дочкой. Нора уловила слово «мама».

Спустя несколько минут женщина опять пошла к своей тележке. Нора подняла глаза, и их взгляды опять на секунду встретились.

Нора встала. Ей тоже хотелось горячего шоколада. Она сама не понимала, что на нее иной раз накатывало. Ни с того ни с сего ее вдруг охватывала неопишуемая тоска – неведомо по чему. Но это неведомое что-то сквозило в той самой улыбке.

Она было шагнула к тележке.

Но тут в купе вошел Даг.

– Вот ты где! Почему ничего не сказала? Я весь поезд обегал, пока тебя разыскал!

Значит, шоколада не будет. И улыбки тоже.

Нора поплелась за ним. Может, удастся хоть краешком глаза увидеть девочку с чистым голосом, дочку той женщи-

ны. Но, увы, не удалось. Даг потащил ее в другую сторону.

Сказал, что они уже подъезжают к Стокгольму.

Технический музей оказался для Норы не менее интересным, чем для остальных. Старинные велосипеды и автомобили просто потрясающие. А чего стоят хитроумные механические модели Польхема², ведь они целиком из дерева. В эпоху пластика смотреть на них особенно приятно.

После экскурсии Андерс со своим классом собрался пообедать в одном из баров на площади Хёторг. А они пока не решили, чем заняться дальше. Даг уговорил Нору махнуть на Юргорден³, и они попрощались с остальными, условившись о встрече на вокзале, у поезда.

В ларьке они купили по горячей колбаске, потом зашли на Юргордене в маленькую закусочную, выпили кофе. Погуляли в парке и неожиданно очутились на пароме, направлявшемся в Старый город.

– Ну, ты и хитрюга! – Нора взглянула на Дата. – Я же сказала, что не собираюсь идти в тот магазинчик.

Но говорила она без злости. Настроение у обоих было чудесное.

Дат считал, что можно хотя бы проверить адресок, полученный от старушки. Поглядеть, что это за магазинчик. А

---

² Польхем Кристофер (1661—1751) – шведский ученый, техник и изобретатель.

³ Юргорден – остров в Стокгольме, где находится, в частности, этнографический парк Скансен.

внутри заходить необязательно, если она не хочет.

Может, и сама Сесилия Агнес там, в магазинчике! Вдруг они увидят ее в окошко, хотя бы мельком? Что в этом плохого?

Таким вот манером Даг умасливал Нору, чтобы поставить на своем. Но она только смеялась.

– Что, если это милая молоденькая девушка? Как ты тогда поступишь? Все равно под окном останешься?

Ну, может, он тогда и зайдет, почему бы нет? Даг призадумался.

– Впрочем, это может оказаться и старуха. Тогда заходить не буду.

Даг слегка нахмурился, его обуяли мрачные мысли. С ним всегда так. Когда мечтания, достигнув предельных высот, шли на спад, его охватывали опасения. А после он опять начинал подъем к головокружительным высям. Будто маятник – вверх-вниз, вверх-вниз. По дороге в Старый город Даг успел пройти все стадии, в подробностях обрисовал наилучшие и наихудшие ситуации, в которых они могли очутиться.

– Ты буквально все расписал заранее. И будешь только разочарован.

– Да никогда в жизни! – объявил Даг. Это ему не грозит. Реальность намного интереснее самых буйных его фантазий.

В известном смысле он прав.

Реальность просто другая, это уж точно.

Когда они добрались до места, магазинчик оказался на

замке.

Крохотный-то какой – сущий закуток. Даг прижался носом к стеклу витрины.

– Вот черт!

Из темной витрины им навстречу со всех сторон жутковато поблескивали круглые глаза. По-детски широко распахнутые, любопытные и немножко печальные. Потом в уличном свете проступили фигуры, лица, мордочки. Поблекшие куклы, забавные зверушки.

Даг спросил в соседней лавочке и выяснил, что за темной витриной обретался так называемый «кукольный доктор». Ну, то есть там работало несколько человек, все – большие мастера по части ремонта сломанных игрушек. Многим покалеченным куклам и зверькам помогли. А главное, утешили несчастных ребятишек.

Но никакой Сесилии Агнес среди кукольников не было. Наверно, это одна из помощниц. Они иногда нанимают временных сотрудников, когда работы много, однако человек, с которым разговаривал Даг, не знал, как дело обстоит сейчас.

По субботам магазинчик всегда закрыт. Ничего не поделаешь. Нора не расстроилась, а Даг призадумался. Они побродили немного по окрестным переулкам. Там кишмя кишел народ. Люди бегали по магазинам, посещали художественные галереи. Суббота – везде вернисажи.

Притомившись, они зашли в Большую церковь⁴ – и столк-

---

⁴ Большая церковь – собор Св. Николая в Стокгольме; построена в середине

нулись с Андерсом и его малышкой.

Вот уж некстати. Даг заспешил прочь. А Нора решила побыть тут. И он ушел один, сказав, что скоро вернется; она обещала подождать.

Андерс со своими ребятами тоже быстро ушел. Нора осталась одна. Заиграл орган. Она зажгла несколько свечей в шаровидном подсвечнике и села на скамью послушать музыку.

Немного погодя вернулся Даг.

Глаза у него сверкали. Кое-что произошло! Он потащил Нору на площадь Стурторг.

– Представляешь?! В магазине кто-то есть! Я сходил туда еще разок. Чувствовал, что сдаваться не стоит. Сон. Телефонный звонок. Поездка в Стокгольм. Магазины. Пока что все сходилось.

Почему же магазинчик должен быть закрыт, когда они подойдут?

Увы. Именно это и не сошлось. Потому-то Даг и наведалься туда еще раз. И действительно, в магазинчике кто-то был. Внутри горел свет. И он заметил какую-то фигуру.

– Идем скорей! Нельзя упускать такую возможность!

Даг был счастлив. За углом ожидало чудо. Хочешь не хочешь – придется идти.

Когда они подошли, свет горел по-прежнему. Только не в самом магазинчике, а в задней комнате. Но входная дверь на замке, магазинчик закрыт.

Даг прижался носом к стеклу. Возле самой двери.

– Сама постучишь? Или я?

– Да ну, идем отсюда. Заперто ведь. – Нора попыталась увести Дага, но безуспешно. Он громко замолотил в дверь.

Нора поспешно метнулась в сторону. Стала поодаль, наблюдая за происходящим. Дверь отворилась, и Даг исчез внутри. Подождем. Вышел он далеко не сразу. И со свертком в руках. Как это понимать? Он что-то купил? Ведь денег-то у него кот наплакал.

– Это тебе! – Даг протянул ей сверток.

– Даг, ты чего? Напрасно ты...

– Вовсе не напрасно. Меня попросили передать это тебе!

– Кто?

Даг не ответил. Взглянул на часы и сказал, что пора ехать домой. Не опоздать бы на поезд! Он прибавил шагу. Чтобы не отстать, Нора почти бежала. Сверток был легкий, но неудобный. Заметив это, Даг предложил помочь.

– Спасибо. Слушай, а что все-таки произошло?

– Потом расскажу.

– Ты видел Сесилию Агнес?

– Нет. Дай-ка сюда сверток! Надо спешить. Нора отдала сверток, и они зашагали дальше.

Но по дороге Даг так ничего толком и не сказал. Лишь на Центральном вокзале она узнала, что случилось. Пришли-то они заблаговременно. Остальные еще не явились. Даг спешил совершенно зря. Почему-то он нервничал и был вроде

как не в духе. В магазинчике он застал одного из кукольников. Очень симпатичный дядечка. Всю мастерскую ему показал.

– Ты спросил насчет Сесилии Агнес?

– Само собой.

– И что он сказал?

Ничего. Принес этот сверток и вручил Дагу. Хотя сперва, похоже, колебался. Ведь зайти за свертком должна была девочка. Но, услышав, что девочка ждет на улице, он успокоился.

– А откуда он знал, что девочка та самая? Он знал, как меня зовут?

Нет, но ведь Даг спросил про Сесилию Агнес, стало быть, все ясно. Никаких проблем.

Но кто такая Сесилия Агнес, Дагу выяснить не удалось. Тот дядечка тоже ничего не знал. Он получил сверток и обещал передать его тому, кто спросит о Сесилии Агнес. Думал, это имя – просто пароль.

– Сам я, понятно, так не считаю, – сказал Даг. – Оно безусловно что-то означает.

– Ты не спросил, кто оставил сверток?

А как же. Только мало что сумел узнать. Дама преклонного возраста. Заходила очень ненадолго. На улице ее ожидало такси. Тот дядечка сам принял от нее сверток. Еще минувшей осенью. Почему-то он решил, что сверток должны забрать до Рождества, и встревожился, когда никто не пришел.

Чувствовал себя в ответе, как-никак сверток доверен ему. И очень обрадовался, что наконец-то может сбыть его с рук.

Вот и все. Ничего не попишешь.

– Наверняка это сама старушка! – с жаром воскликнула Нора.

– Старушка? О чем ты?

– Ну, Сесилия Агнес – это сама старушка и есть.

Нет, Даг с нею не согласился. Откуда она это взяла? Чем докажет? Ткнула пальцем в небо. Но по телефону звонила и сверток оставила одна и та же особа. Кто же она такая? Даг тряхнул головой.

– Не понимаю я, почему она не назвалась!

– Выходит, ни малейшей зацепки?

К сожалению. Старушка замела все следы. Если, конечно, разгадка не спрятана внутри свертка.

– А ведь ты прав! Ясное дело...

Нора быстро огляделась по сторонам. Ни Андерса, ни его ребят пока не видно. И диван свободный есть, вон там. Можно сесть и быстренько развернуть сверток. Времени хватит.

Но Даг остановил ее и серьезно произнес:

– Ты должна развернуть сверток без свидетелей. Это очень важно. В полном одиночестве.

– Почему? Кто так сказал?

– Дядечка из кукольной мастерской. Ему сказали, чтобы, отдавая сверток, он не забыл об этом предупредить. Условие очень важное, он даже записку себе написал. – Даг порылся

в кармане, вытащил помятый листок, протянул Норе. – Вот!
Смотри сама!

Она расправила листок и прочла кукольникову записку:

Внимание! Не забудь! Девочка должна развернуть сверток **В ОДИНОЧЕСТВЕ, БЕЗ СВИДЕТЕЛЕЙ!** Обязательно скажи ей об этом! И содержимое никому показывать нельзя!
ВАЖНО!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Сверток лежал на багажной полке. Нора нет-нет да и поглядывала туда. Он был продолговатый, довольно легкий, внутри ничего не гремело. Невозможно догадаться, что в нем.

Как же медленно тянется время! Поезд был переполнен, и Нора сидела отдельно от своих. Даг вместе с Андерсом и его ребятами ехал в другом вагоне. И выглядел слегка разочарованно. Интересно, чего же он ожидал?

Все-таки Даг большой фантазер и романтик. Она бы не удивилась, если б он втайне верил, что встретит сегодня свою «судьбу». Что ни говори, имя Сесилия Агнес навевало романтические мечты. Звучало весьма поэтично.

Девочки в школе считали, что Даг слишком застенчивый. Или «необщительный», как говорили некоторые. Внешне он симпатичный, хотя, понятно, не писанный красавец. Надо проявить интерес, присмотреться, тогда и разглядишь, какое тонкое у него лицо. Будь он менее замкнут, от девчонок отбою бы не было. К тому же он их побаивается. Но не ее. К счастью.

Большинство считали их братом и сестрой.

В общем, правильно. Хоть и не совсем. В некотором смысле они даже больше чем брат и сестра. Отношения между братом и сестрой легко оборачиваются банальной прозой.

Скукой. Но Даг всегда обращался с Норой очень уважительно. Как и она с ним. И несмотря на то, что они прекрасно друг друга знали, вместе им никогда не бывало скучно.

«Мы больше друзья, чем брат и сестра, – однажды заметил Даг. – К тому же в сестру нельзя влюбляться».

Что он имел в виду?

Об этом она спрашивала себя много раз. Может ли Даг влюбиться в нее? Вряд ли. А она в него? Тоже вряд ли.

Но почему эти мысли лезут в голову именно сейчас?

Не иначе как потому, что он сидит с другими, а не с нею. Она, конечно, опасалась наскучить ему своим нежеланием поверить в его тайные знаки. Но именно странные происшествия, случавшиеся с нею, вынуждали ее к особенной осторожности. Хотя Даг об этом знать не знал.

Больше всего на свете она боялась потерять Дага. Боялась потерять его дружбу – что угодно, только не это!

Как-то раз Даг сказал, что никогда не женится, если Нора не одобрит его избранницу, вдобавок она непременно должна походить на Нору.

Ох и жарница тут, в купе! Надо открыть окно, впустить свежего воздуха. Нора встала.

Нет, к окну не подойдешь, муторное дело – слишком много народу. Она опять села.

А эта вот Сесилия Агнес...

Наверняка Даг разочарован оттого, что не встретился с нею. Он ведь так мечтал...

Господи!

Неужто она ревнует? К имени? К девочке, которая, может, вовсе и не существует?

Бедняга Даг...

Конечно, так оно и есть. Его Сесилия Агнес не существует...

Наверно, легче забыть того, кто существует не в жизни, а только в воображении?

Или...

Быть может, терять образы мечты и фантазии так же больно, как и живых людей?

За примером далеко ходить не нужно. Мама и папа – ведь теперь они стали для нее в первую очередь грезой, фантазией. Их словно бы никогда не существовало. Чтобы устоять, ей поневоле пришлось вычеркнуть их из реальности, стереть, уничтожить память о них.

Впрочем, вероятно, тут дело другое?!

Она все ж таки их видела. Прикасалась к ним, а они к ней.

Интересно, что же находится в свертке? И от кого он?

Вдруг от кого-нибудь, кто знал маму и папу? И сохранил что-то принадлежавшее им? Может, потому ей и велено развернуть свертки в одиночестве и никому не показывать, что в нем? Может, там что-то очень личное? Настолько личное, что не выносит чужих взглядов? Оттого-то и отдано ей.

Чем больше она размышляла, тем больше в этом уверялась. Поначалу у нее мелькала мысль все-таки позвать Дага.

Но если сверток имеет отношение к маме и папе, лучше развернуть его без свидетелей.

Как она раньше-то не подумала, что все это может быть связано с мамой и папой? От радости ее прямо в жар бросило.

Дома Нора сразу прошла к себе и закрыла дверь. Уже стемнело, она чиркнула спичкой и зажгла свечу – живой огонек вместо электрической лампочки.

Сверток лежал на кровати. Нора взяла его в руки, на миг прижала к себе. Потом медленно, будто священнодействуя, развязала шпагат, узелок за узелком. Пальцы двигались неторопливо, но сердце замирало от ожидания.

Аккуратно смотав веревочку, она сняла верхнюю обертку. Под нею обнаружилось несколько слоев гофрированного картона, а потом у нее на коленях очутился какой-то предмет, тщательно упакованный в папиросную бумагу.

Она прижала его к груди. Папиросная бумага зашуршала. Огонек свечи на столе затрепетал, из углов выглянули мягкие тени. Ей чудилось, будто тени тоже полны ожидания, как и она сама.

Что же прячется в папиросной бумаге?

Оттуда веет легким запахом мыла, хотя нет, скорее уж духов.

Листы папиросной бумаги один за другим шурша падали на пол.

Кукла!

Удивительная! Нора таких никогда не видела. Больше похожа на статуэтку, сделанную с натуры. Словами описать невозможно.

Маленькая девочка, лет десяти, не старше, с бледным и серьезным личиком, вылепленным так тонко, так изящно, что оно казалось совершенно живым.

Лицо не куклы, но человека.

Печальные глаза, которые многое знали о жизни, недоверчивый маленький рот. Таково было первое впечатление.

Когда же Нора положила куклу на колени и наклонилась к ней, когда осторожно обхватила ладонью головку, приподняла ее и с нежностью посмотрела на маленькую фигурку, ей показалось, что личико выглядит по-другому. Оно как бы просветлело, глаза улыбались, рот стал по-детски простодушным. На миг все личико озарилось доверием.

У Норы чуть слезы из глаз не брызнули.

– Бедняжка... – Она крепко обняла куклу. – Откуда же ты взялась?

Кукла была очень старая, сделанная давным-давно, возможно еще в начале века. По крайней мере, судя по одежде. Высокие черные ботинки на пуговках, изящные, отличной работы. Черные шелковые чулочки. Нижняя юбочка и панталоны с вышитой оторочкой. Платье из черной материи в мелкий розовый цветочек – пышная юбка по щиколотку, рукава с буфами. Манжеты и ворот обшиты белыми кружевами. Шапочка из той же материи и тоже с кружевами.

Высотой кукла была около тридцати пяти сантиметров и отличалась замечательной соразмерностью.

Каштановые, но не слишком темные волосы заплетены в две косы. Причем волосы настоящие, человеческие, а не искусственные. Глаза – с зеленоватым отливом. Сняв шапочку, Нора увидела прелестный круглый затылочек и очаровательные ушки.

Загляденье, а не кукла. Нора готова была влюбиться в нее.

Но откуда же взялась эта малышка?

Кто ее сделал?

И кто служил натурой?

Ведь это явно портрет живого человека. Такую необычную внешность придумать невозможно.

Да, Нора уже полюбила малышку. Что-то в ее облике казалось до боли знакомым, хотя это наверняка обман чувств. Она точно знала, что в жизни не видела никого похожего на эту куклу. Но ей очень хотелось, чтобы такая девочка вправду существовала и чтобы они когда-нибудь встретились.

– Я о тебе позабочусь, – прошептала Нора. – И никогда тебя не брошу.

Кстати, надо найти ей имя. Просто куклой ее звать невозможно. Слишком она живая. Выражение личика все время меняется вместе с освещением. Вот сейчас она смотрит умоляюще.

В поезде Нора была твердо уверена, что сверток каким-то образом связан с родителями. Теперь она думать об этом за-

была. В голове мельтешили совсем другие мысли.

Свеча на столе горела спокойно и ровно. И тени в углах не двигались. В воздухе веяло волшебством.

– Дорогая... кто ты?

Она легонько провела ладонью по куклиному платью, по круглым пуговичкам на лифе. У ворота что-то блеснуло. Тонкая серебряная цепочка. Нора вытащила ее из-под платья – на цепочке обнаружился маленький серебряный медальон, овальной формы, не больше десятиэревой монетки. На серебряной крышечке выгравирован замысловатый вензель, две буквы: «СБ».

Что же они означают?

Осмотрев медальон, Нора ухитрилась ногтем открыть его. Внутри был портрет, миниатюра, малюсенькая, но на удивление отчетливая. Сверху прикрытая тонким стеклышком.

Нет никакого сомнения, лицо на портрете то же самое, куклино! Сердце у Норы учащенно забилося. Она достала лупу, чтобы как следует рассмотреть миниатюру. Точно, тот же взгляд, тот же овал лица, лоб, нос, рот.

На портрете она была старше. Значительно старше. А выражение лица все такое же – чуть печальное, недоверчивое. Бедняжка, видно, жилось ей не очень весело.

В другой половинке медальона находилось кое-что странное. Волосыная косичка – сантиметров пятнадцати длиной и всего миллиметр-другой в толщину. Свернутая колечком и тоже под стеклом.

Стекло было съемное. Нора вооружилась пинцетом и скоро держала косичку в руках. Волосы точь-в-точь как у куклы – и цветом, и качеством. И на портрете волосы опять-таки того же цвета. Теперь хотя бы ясно, откуда они у куклы.

И кукла, и портрет изображали одного человека, только в разные годы. Но кого?

Сесилию Агнес?

Тогда почему на крышке выгравировано «СБ»?

Нора отколупнула стеклышко, прикрывавшее портрет. Надо проверить, нет ли на обороте какой-нибудь надписи. Она не ошиблась.

Выведенная бисерным почерком надпись гласила: «Сесилия в 17 лет».

Значит, куклу зовут Сесилией. Нора сделала первый шаг вперед. Когда же она затем внимательно изучила в лупу портрет, то обнаружила в самом низу вроде как микроскопические букочки. Невооруженным глазом нипочем не разобрать, однако с помощью лупы она в конце концов прочитала: «Х. Б., 1923 г.».

Вернув портрет и косичку на место, Нора защелкнула медальон и задумалась.

Та Сесилия, которую изображала кукла, была не старше десяти лет. А на портрете ей уже семнадцать. Значит, кукла сделана приблизительно семью годами раньше, этак в 1916-м, а родилась Сесилия, стало быть, в 1906-м. Очень-очень давно. Если она еще жива, то сейчас ей семьдесят пять. А вот

ведь сидит на коленях у Норы и выглядит живой и бодрой. Как шестьдесят пять лет назад. Странное ощущение.

Огонек свечи не шевелился. Время остановилось.

Нора посмотрела на Сесилию.

– Где бы нам тебя спрятать? Ведь тебя никому показывать нельзя.

Она сидела, прижав прохладную куклину щечку к своей и тихонько ее баюкая. Сесилия Б. Надо обязательно выяснить, что означает это «Б». Кстати, миниатюра подписана инициалами Х. Б. Вполне возможно, что фамилия одна и та же.

Но кто такая Сесилия Агнес? По-прежнему неизвестно, хотя какая-то связь между нею и куклой, вероятно, существует.

Да, вопросов уйма. Тут бы очень пригодился помощник вроде Дага. Обсудить бы все это с ним. Они бы провели самое настоящее «расследование», как говорил Даг, когда они вместе бились над той или иной проблемой.

А показать ему куклу, как нарочно, нельзя!

Но что, собственно, может случиться? Он ведь уже замешан. Если все так секретно, разве старушка, которая звонила по телефону, сказала бы ему про магазинчик? Нет, наверняка бы перезвонила, чтобы поговорить с Норой. И адрес в Старом городе ему бы не оставила, и имя Сесилии Агнес не назвала бы. Ведь тем самым она бы впутала его в эту историю. Откуда ей было знать, кто он.

Или, может, она все-таки знала?

На всякий случай, пожалуй, лучше послушаться старушки. Попробовать разобраться своими силами.

– Теперь у меня есть ты. – Нора опять побаюкала Сесилию. Кукла словно бы дарила ей защищенность, покой.

Гм, чем это от нее пахнет?

Запах вроде бы знакомый. Но откуда? Кто пользовался такими духами?

В дверь постучали. Нора вздрогнула.

– Кто там?

Это был Даг, хотел кое-что ей показать.

– Погоди минутку!

Она открыла тумбочку письменного стола и спрятала там куклу, временно, после надо будет найти тайник получше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.